

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Олега Сергеевича Горелова
«СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ КОД В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XX – XXI ВЕКОВ»,

представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.01.01 – Русская литература

Диссертационное сочинение, представленное к защите Олегом Сергеевичем Гореловым, представляет собой самостоятельное научное исследование важной и чрезвычайно актуальной научной проблемы, выполненное на самом высоком научном уровне и солидно фундированное как классическими гуманитарными сочинениями, так и новейшими разработками в области филологии, философии, искусствоведения, музыковедения, психологии, социологии, теоретической эстетики. Об этом убедительно свидетельствует как сопровождающий диссертацию список литературы, так и постоянные сноски под ее текстом, представляющие самостоятельную эвристическую ценность, особенно для молодых ученых, выбирающих ориентиры будущей научной работы – и это, несомненно, особое, хотя и частное достоинство обсуждаемого сочинения. При этом особенно важно отметить, что диссертант, судя по ссылкам на научные источники, не только свободно ориентируется в новейшей научной литературе по самому широкому спектру гуманитарных (а иногда и не только гуманитарных) дисциплин, но и, в случае необходимости, без труда оперирует данными на разных европейских языках, что даже в наше просвещенное время встречается достаточно редко.

Беспрецедентная широта и глубина исследовательской культуры коллеги Горелова сказывается и в выборе им основного материала его исследования: русской литературы (и в первую очередь – поэзии) XX-XXI вв. Соискатель не боится концентрировать свое внимание на новейших инновационных явлениях современной литературной жизни, многие из которых, вне всякого сомнения, впервые попадают в поле академической науки – это можно сравнить только с аналогичным поворотом в научном творчестве русских формалистов, впервые в отечественной науке обративших внимание на современный им литературный процесс и осознавших, что именно его привлечение к научному осмыслению позволяет перейти от необходимой археологичности научного поиска к не менее важной для комплексного анализа явлений актуальности.

Это обеспечивает еще одну важнейшую черту анализируемого сочинения – это безусловную теоретическую состоятельность и методологическую значимость для нашей современной филологической науки, проще говоря – понимание, что и как можно и нужно изучать и описывать сегодня. Поэтому, если говорить об актуальности исследования и его новизне, необходимо констатировать, что они сполна, если не сказать – с большим запасом

Вх. №	99
«	16» 03 2021
Кол.	Листов Прилож.

гарантированы двумя этими факторами: выбором уникального по «свежести» материала и столь же инновационно заточенной методикой его осмысления и описания. Так что самые важные параметры оценки диссертационной работы господина Горелова обеспечены с лихвой и с изрядным запасом, и мне остается в заключение первой части моего отзыва выразить не только глубокую удовлетворенность по поводу прочитанной работы, но и вызванные этим прочтением восхищение и благодарность ее автору. И перейти к замечаниям, которые неизбежны при оценке сочинения такого научного масштаба и только дополнительно подтверждают сам этот масштаб.

Первое из них касается места сюрреализма в нашей жизни и в литературе в частности. Диссертант вполне корректно выбрал главную категорию своего сочинения – не сюрреализм в целом, не сюрреалистический метод или способ обобщения действительности, не соответствующий модус художественности, а именно код, понятие столько же на первый взгляд внятное, сколь и расплывчатое. И главное – обеспечивающее исследователю практически безграничные возможности интерпретации и манипуляции.

Лучше всего это видно в авторских экскурсах в области «протосюрреализма» в мировой культуре. Так, анализируя «некоторые протосюрреалистические картины И. Босха и П. Брейгеля Старшего» (с. 304-306), и в первую очередь – особенности изобразительной техники в графике Брейгеля и И. Кока, диссертант делает упор на несомненные переключки этой техники с тем, что несколько веков спустя поставят на поток великие художники-сюрреалисты, это вполне справедливо и сделано очень изящно. Более того – очень уместно в контексте анализа специфики лирики Леонида Шваба, тоже безусловно ориентировавшегося в том числе и на эти хрестоматийные для нашего времени образцы для подражания и переосмысления. Но – говоря опять же о контексте, на этот раз глобальном – для понимания этих образцов и их действительного места в мировой культуре просто невозможно обойтись без их осмысления в культуре Северного Возрождения в работах Макса Дворжака и Отто Бенеша, о которых многознающий диссертант лукаво умалчивает – и в результате вполне типичное при историческом взгляде явление европейской культуры, ничуть не удивлявшее современников, оказывается чем-то уникальным для своего времени, словно бы чудесным образом пришедшим в далекое прошлое из мастерских Магритта и Кирико, безусловным фактом «прото».

Такая умышленная аберрация зрения легко объясняется лежащей в основе работы концепцией «сюра без берегов», спровоцированной увлеченностью автора этой сверхидеей и в свою очередь оказывающейся методологически плодотворной провокацией, чего диссертант, разумеется, не мог не осознавать. Для осмысления проблематики работы это не только допустимо, но и вполне закономерно, однако с точки зрения научной объективности нуждается все же, на мой взгляд, в специальных оговорках и объяснениях.

Столь же провокационно выглядят и многочисленные апроприации «безбрежным» сюзом концептов («тем», «образов», «топосов», «категорий»

и т.д.), по мнению коллеги Горелова являющихся безусловным и даже исключительным достоянием сюрреалистического кода: сна и сновидения, грезы, девушки-женщины, Другого-Второго и т.д., даже самого принципа автоматического письма. Не случайно диссертант нигде не дает свода этих концептов в виде четкого определения, подразумевающего, в рамках рациональной логики, сравнения с другими кодами – как не предоставляется им и сам список этих кодов. Хотя такая работа, вполне посильная диссертанту, позволила бы его работе серьезно добавить в убедительности. Но и потерять в изяществе изложения, которое господин Горелов, вне всякого сомнения, ценит в своем сочинении никак не меньше, чем убедительность!

Это очень важно, если стараться объективно оценить рецензируемую работу, которая, на мой взгляд, является художественным сочинением, глобальным эссе, не в меньшей степени, чем собственно диссертацией. Во многих конкретных пассажах господин Горелов решительно и вполне предпочитает строгой научной логике изящную и изощренную эссеистическую, способную убедить не в меньшей степени, но еще и доставить удовольствие и читателю, и самому автору. И такой нарциссизм тоже кажется мне вполне уместным – до той поры, пока автор не переходит к сознательной фальсификации, как в случае с «протоБрейгелем». К счастью, таких зашкаливаний в диссертации очень мало!

Приведем еще один пример протоинтерпретации, на этот раз связанный с Пушкиным. Анализируя особенности поэтики Леонида Аронсона, диссертант достаточно осторожно пишет на с. 260: «Текст А.С. Пушкина «На холмах Грузии» можно считать одним из первых в русской поэзии протосюрреалистическим актом созерцания темноты («ночной мглы»)), сопровождая это утверждение интересной интерпретацией классического стихотворения с помощью своего сюр-инструментария. И осторожность тут действительно более чем необходима: для знатока русской поэзии не составит труда найти аналогичные пушкинскому «акты созерцания темноты» и у Ломоносова, и у Державина, и у других предшественников и современников Пушкина. А самое главное – при свойственном нашему диссертанту пристрастном подходе к анализу их тоже можно при желании интерпретировать как явления «протосюрреализма».

С пост же сюрреализмом все еще серьезнее: его следы и отголоски наш диссертант находит практически во всех интересных явлениях русской словесности XX и XXI вв. Причем там, где это кажется очевидным для дилетантского взгляда, он склонен как раз проявлять осторожность – как в случае с С. Кржижановским, за однозначное отнесение которого к сюрреализму Горелов вполне справедливо критикует, например, А. Синицкую.

В большинстве же других случаев все происходит ровно наоборот: работу сюрреалистического кода диссертант обнаруживает – иногда очень изобретательно и остроумно – даже там, где даже предположить ее на первый взгляд невозможно. Правда нередко, увлекшись описанием и

анализом интересного литературного явления, он на несколько страниц словно бы забывает о главной идее своего сочинения – и это тоже выглядит очень симпатично.

Например, в разделе, посвященном блэкаутам Павла Арсеньева и особенно Андрея Черкасова. Кстати, в связи с последним господин Горелов – на этот раз очень кстати – отсылает к историческому сюрреализму: «Подобный жест демонстрирует Бретон в манифесте сюрреализма: “позволительно будет назвать поэмой текст, полученный путем самого что ни на есть произвольного соединения <...> различных заголовков и их фрагментов, вырезанных из газет”. Приведенный в манифесте пример такой поэмы сильно напоминает неоконцептуалистский или машинный текст 2000-2010-х годов» (с. 391).

Эта ссылка особенно важна в связи с особенностями трактовки блэкаута в современной критике и науке: адепты этого широко распространяющегося сейчас явления чаще всего считают его если не собственным изобретением, то возводят к опытам Остина Клеона, стараясь – вольно или невольно – не замечать солидную глубину этой традиции в мировой словесности – например, в творчестве испанца Мигеля Ульяна и других представителей позднего европейского модернизма или замечательного опыта «закрашивания» осетинских стихов К. Хетагурова и нот «LudusTonalis» П. Хиндемита, предпринятого еще в начале 1980-х гг. Борисом Констриктором, Ры Никоновой, Сергеем Сигеем и Д.А. Приговым и частично опубликованного в 1983 г. в знаменитом самиздатском журнале «Транспонанс».

Между тем и сам Черкасов, и М. Мартынов – автор единственной концептуальной работы о русском «блэкауте» – совершенно игнорируют эти его корни, не говоря уже о цитируемом в диссертации Горелова «прогнозе» Бретона. Кстати, описывая эволюцию Черкасова, диссертант справедливо отмечает его естественный и очень значимый переход от блэкаута к «вайтауту», то есть к забеливанию текста.

Обращенность к живой литературной современности и наиболее ярким и необычным ее лицам (Л. Швабу, П. Арсеньеву, В. Банникову, В. Бородину, Г. Рымбу, Н. Сунгатову, А. Черкасову, А. Цибули, Е. Соколовой и т.д.) – одна из самых привлекательных сторон диссертации, о чем я уже неоднократно говорил. Очень важно и то, что диссертант мастерски обозначает фигуры, без которых появление этой поросли было бы невозможно: Л. Аронзона, В. Уфлянда, А. Драгомощенко, В. Кондратьева, тоже, по убеждению Горелова, изрядно инфицированных – каждый по-своему – сюрреалистическим кодом; соответственно, в сочинении уделено важное место особенностям творчества этих чрезвычайно важных для русской поэзии, но пока еще недостаточно оцененных ключевых фигур.

А вот в более глубокой перспективе явления круг анализируемых индивидуальностей представляется лично до обидного выборочным: диссертант уделяет специальные главки только Кржижановскому и Платонову, по трети главки – Цветаевой и Одарченко, понемногу (намного

меньше, чем они этого заслуживают) пишет о Поплавском, Шаршуне, Вс. Петрове, В. Казакове, П. Улитине, Введенском, Хармсе, А. Николеве и практически ничего – о Кузмине, Мандельштаме и Хлебникове, при том, что их роль в реализации сюркода, по утверждению самого диссертанта, очень велика. Остается надеяться, что этот пробел господин Горелов с успехом заполнит в грядущей монографии «по мотивам» диссертации, появление которой, по моему глубокому убеждению, необходимо не только самому автору, но и отечественной гуманитаристике в целом.

И еще об одной важной особенности рецензируемой диссертации – ее конспективной всеохватности, удивительной многолюдности: казалось бы, нет ни одного мало-мальски заметного автора, который не был бы упомянут в этом труде. Это и хорошо, но отчасти и не очень: некоторые упоминания, по необходимости скупые (все же не опишешь) иногда кажутся следствием стремления никого и ничего не упустить, а то и боязни показать свое недостаточное знание чего-то и чего-то. Право, это совершенно лишнее, учитывая масштаб и глубину исследования.

Наконец, не могу не сказать несколько слов о моем личном интересе – теории и истории стиха. Мне очень жаль, что этой стороне творчества анализированных в работе поэтов и прозаиков, чье творчество ориентировано на стих, осталось без внимания – впрочем, как в значительной степени их поэтика вообще. И это очень жалко, потому что мировой сюрреализм – и исторический, и актуальный – безусловно, оказал огромное влияние на мировую словесность не только своими идеями, но и оригинальными способами их воплощения.

В связи с этим нельзя не обратить внимания и на то, что манифесты Бретона и его соратников и наследников упоминаются в работе значительно реже, чем их собственно художественные произведения (романы того же Бретона или «Надя» Арагона), которые влияли на современников именно своей оригинальной поэтикой.

Конечно, этому есть и вполне объективное объяснение: художественная практика литературного сюрреализма как таковая действительно была значительно беднее, чем его идеи и чем творчество художников, кинематографистов и даже музыкантов, исповедующих сюрреидеи, о чем Горелов очень интересно и убедительно пишет. Но все-таки непосредственного анализа фактуры сюрреалистического и ориентированного на него текста в диссертации до обидного мало – хотя даже приводимые в тексте примеры показывают, как интересно их можно было бы (и нужно было бы) проинтерпретировать, в том числе и для доказательства главной идеи сочинения о живучести и мощи сюрреалистического кода.

К сожалению, на поле традиционной поэтики рассуждения господина Горелова выглядят далеко не так ярко и убедительно, как его вдохновенные спекуляции по поводу идей. Это касается, например, жанрологической главки и самой концепции «не-романа», который с точки зрения современной филологии (в том числе и бахтиноцентричной) – самый что ни на есть роман,

просто одна из его новых модификаций. Тут диссертант, что с ним случается, снова оказывается скорее на стороне писателей, любящих афишировать свое радикальное новаторство, чем ученых, умеющих это новаторство объяснить и указать его место, обусловленное традицией, иногда – довольно давней.

То же и со стиховедением, о котором наш автор не мог не упомянуть хотя бы в силу уже названной тотальной энциклопедичности своего сочинения. Так, на с. 368 в связи с творчеством В. Банникова и его откликом на знаменитый коллективный «учебник» «Поэзия» Горелов пишет: «текст “Пушкин упоминается 79 раз, мандельштам...” строится, как кажется, на ироничном использовании типичных формул стиховедения: “белый упоминается / чаще есенина”, “николай карамзин \ маяковский – / 44 раза, стихи пушкина звучат”, “фета \ стихи айги особенно / слышны \ так же как и стихи / заболоцкого”». Однако подсчет частности упоминаний писательских имен ни в коей мере не принадлежит ни к числу «типичных формул стиховедения», ни к науке о стихе вообще!

На с. 384, и снова в связи с феноменом Банникова, диссертант пишет: «Генезис образов, цитатность, интертекст, таким образом, становятся не стиховедческой, а медиологической проблемой». Но классическое (а другого нет!) стиховедение никогда не занималось ни генезисом образов, ни цитатностью, ни интертекстом – только стихом, и поверьте, это совсем не так мало! Но моя задача не оправдываться за свою отрасль науки, а не допускать волюнтаристского и не вполне грамотного приписывания ей чужих «грехов» (а в приведенных цитатах интерес к перечисленным явлениям художественной речи выглядит у автора именно так!).

Наконец, уже на с. 23, определяя общую проблематику своего исследования, коллега Горелов пишет: «сюрреалисты наследовали новой традиции французской поэзии – верлибру, который вбирал в поле своего притяжения и vers-prose (стихо-проза), и prosème (прозо-стихи или прозэмы), а также эссеистическое искусство», ссылаясь при этом на высказывание Михаила Яснова. Сказано это между прочим, как констатация чего-то само собой очевидного, и восходит, скорее всего, к знаменитому эссе С. Малларме «Кризис поэзии». Однако в действительности все не так просто и однозначно, по крайней мере, когда речь идет о русской практике и теории свободного стиха и стихотворений в прозе, которые неоднократно цитированный в диссертации Ю. Тынянов справедливо считал не переходными формами между стихом и прозой, а наоборот, «концентрированным выражением самой идеи» стиха и прозы, то есть именно формами стиха и прозы в самом точном смысле. Терминологические же новации типа стихопрозы и прозостиха время от времени возникали и тотчас же умирали и в нашей филологии – прежде всего из-за своей принципиальной расплывчатости и субъективности (проще говоря, каждый исследователь с радостью «впихивал» в них то, что не мог объяснить и описать, опираясь на свой опыт и терминологический аппарат).

Французский пример такой вопиющей агностической неопределенности можно найти в работах А. Мешонника (русский перевод – Мешонник А. Рифма и жизнь. М.: ОГИ, 2014), уже в аннотации к русскому переводу которой говорится, что автор – «почетный профессор университета Париж-8, унаследовавшего бунтарский дух мая 1968 г.» и о том, что его «теория ритма текстов в стихах и в прозе» «критикует основные постулаты структурализма» – что в применении к теории стиха как раз и означает объективный, научный подход к природе стихотворной речи.

Тем не менее, а во многом и именно благодаря всему этому диссертация Олега Сергеевича Горелова «Сюрреалистический код в русской литературе XX – XXI веков», представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности по специальности 10.01.01 – Русская литература, в полной мере обладает необходимой для сочинений этого рода степенью актуальности и новизны, а ее содержание безусловно можно квалифицировать как серьезное научное достижение.

Автореферат и имеющиеся публикации по теме работы соответствуют содержанию диссертации.

Работа соответствует паспорту специальности 10.01.01 – Русская литература, а также требованиям пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор Олег Сергеевич Горелов, без сомнения, заслуживает присуждения ему искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

9.03.2021

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник учебно-научного центра мандельштамоведения факультета истории и филологии Российского государственного гуманитарного университета.

Телефон: 8 (916) 5714200,
E-mail: ju_b_orlitski@mail.ru
Юрий Борисович Орлицкий

Москва, Самаркандский б-р, кв-л 137а, корпус 4, кв. 104.
Тел.: 8-495-2506987, 8-495-9734202
Электронная почта: ju_b_orlitski@mail.ru

Заведующий проректор-
директор по научной работе

О.В. Павленко